

Каким быть учебнику истории?

1. Чем должны руководствоваться авторы учебника истории? Собственными пропагандистскими устремлениями или комплексом педагогических задач?

Еще со времен фильма «Доживем до понедельника» известно: история— это школьный предмет, который делает подростка гражданином. Как-то вот так это сформулировал сыгранный великим Тихоновым учитель истории всея Советского Союза. Тут ни убавить, ни прибавить.

Если учебник истории будет писать человек, сам являющийся гражданином — его пропагандистские устремления неизбежно, самым нечувствительным образом окажутся в гармонии и взаимодополнении с комплексом педагогических задач.

Поэтому руководствоваться гражданину надо всего лишь стремлением донести до учеников свое ПОНИМАНИЕ. Именно не столько знание тех или иных отдельных фактов произошедшего, сколько понимание происходившего и происходящего — и большой удачей истории, как и любой науки и любой школьной дисциплины, является то, что понимание невозможно без опоры на подлинные, достоверные факты.

А если учебник будет писать внутренний эмигрант — то, чем бы он ни руководствовался, получится очередной пасквиль.

Чем руководствуется, скажем, Млечин, когда с экрана телевизора безо всяких доказательств (и наперекор всем фактам) гипнотизирует: а развязать атомную войну Сталин не боялся... Пропагандистскими устремлениями или комплексом педагогических задач? Да что в лоб, что по лбу!

Вообще говоря, учебнику истории для придания ему действительной научности, объективности и эффективности следовало бы предпослать некое предисловие. В предисловии же необходимо просто и ясно объяснить по крайней мере две вещи.

Первое.

Дети соперничают в классе, люди соперничают в жизни, народы и государства соперничают на земном шаре и в истории. Это всегда было и всегда будет. Порой соперничество носит мирный, даже дружелюбный характер, типа я стометровку пробегу быстрее тебя, а вот в командном зачете мы с тобой вместе всех остальных уделаем. Порой выставление себя выгодном свете и соперника в невыгодном может лишь умилять: я вчера такую шуку поймал, вы такой в жизни не видели! И где ж она? Да сорвалась, понимаешь... Но порой противоречия непримиримы. Иногда они переходят у детей и даже у взрослых — в драку. У государств — в войну. Но даже если не переходят,

соперники и в мирное время стараются вредить друг другу где только могут. Одним из основных способов навредить без драки спокон веку является говорить друг про друга гадости. Люди распространяют о противниках мерзкие слухи. Народы и государства распространяют о противниках мерзкие версии их истории.

Версию истории, выгодную врагу, пропагандист легко может выдать за честные и достойные всяческого уважения поиски научной истины. Ученые-историки и впрямь порой выдвигают и обсуждают весьма причудливые и спорные версии тех или иных исторических подробностей, событий и их причин. Это их работа. Они выдвинут, они же и докажут несостоятельность. Но поиски истины, на самом-то деле, очень просто отличить от вражеского нападения, в котором роль подводных ракетносцев или ударных дронов играют некие новые или по-новому интерпретируемые исторические факты. Если кто-то предлагает тебе версию истории ТВОЕЙ страны, согласно которой требуется оплевывать героев ТВОЕЙ страны, ее создателей, держателей и хранителей — можно не сомневаться, это не поиски истины, это вражеская атака.

Например, в свое время среди борцов с советским тоталитаризмом возникла и стала популярна концепция, согласно которой значительная часть населения России ностальгирует по советским временам в силу своей изначальной этической неполноценности: при сталинском терроре выжили лишь стукачи и вертухаи, вот они и скучают по утраченным возможностям безнаказанно измываться над хорошими людьми.

Научность подразумевает верификацию фактами.

Возьмем две персоны навскидку.

Авраамий Завенягин, генерал-майор МВД, комиссар госбезопасности и все такое. Непосредственный руководитель самых значимых советских металлургических проектов (никель, медь, уран), создатель Норильска, куратор атомного проекта. Выдающийся организатор. Да, в подчинении у него были и спецконтингенты. Зэки, попросту говоря (хотя мы как-то забываем, что отнюдь не все из них были ленинской гвардией, репрессированными интеллигентами и справными хозяевами, уголовников-то хватало). Но все равно — да. Ужасно. Действительно, трагедия. Вернее, сразу несколько трагедий, напластовавшихся одна на другую. Ну не могла страна, полвека едва ли не спавшая при последних царях (не спали только бесчисленные казнокрады, бомбисты и отдельные гении, отчаянно пытавшиеся пробить лбом стену), потом рухнувшая в страшную войну, потом в разгул демократии, в разор и грабеж, потом в кровавый хаос — не могла она подняться вровень с индустриально развитыми и стопроцентно враждебными ей сверхдержавами того вре-

мени ИНАЧЕ. Не могла! У кого повернется язык сказать: не можешь — так и не надо, кому ты такая нужна! Народу — она все равно была нужна, хоть какая. Теперь менеджеры и гуманисты любят на теплых диванах рассуждать о том, что рабский труд куда менее производителен, чем труд сытых свободных вольнонаемных, и, коль скоро Сталин предпочел рабов, стало быть — он болван и кровавый садист. Можно подумать, они готовы из собственного кармана оплатить свободный труд в ледяных пустынях Воркуты, Колымы и Норильска, предварительно на личные средства создав там заманчивую для вольнонаемных инфраструктуру... Да они посреди Москвы Кутузовскую милую-то построить не в состоянии! А с другой стороны. Концлагеря первыми придумали англичане, во время войны с бурами. Первые на территории Европы концлагеря в современном смысле этого слова появились в Польше, их создали для пленных красноармейцев. У американцев для рабского труда были негры, у британцев — индийцы низших каст и китайские кули, у французов — алжирцы и сенегальцы, и вообще у всех захватчиков и агрессоров — военнопленные. Чудовищность и непоправимость нанесенного ГУЛАГом ожога заключается, по сути, лишь в том, что, в отличие от прочих аналогичных систем, в СССР использовали рабский труд СВОИХ — ведь ЧУЖИХ у нас просто не было, мы не марались работоторговлей, не нахватили колоний, рабы-иностранцы появились у нас лишь после победы над теми, кто вторгся к нам нас истребить. И даже тогда, в отличие от цивилизованных европейцев, у нас никогда не было лагерей смерти — тех, где основной целью было не использование, а истребление. Построенные под руководством Завенягина атомные заводы работают до сих пор, до сих пор обеспечивают безопасность и суверенитет России и ее способность хоть как-то поддерживать в мире баланс справедливостей. Умер Завенягин в 56-ом году пятидесяти пяти лет от роду, то ли от инфаркта (работать приходилось на износ), то ли от лучевой болезни (лично принимал участие в ликвидации одной из аварий на первом экспериментальном реакторе и облучился не по-детски).

Лев Разгон, знаменитый правозащитник, один из основателей «Мемориала», писатель, крупный деятель десталинизации и перестройки. Начинал в НКВД, в отделе шифрования у известного Глеба Бокия, женился на его дочери Оксане. Потом переместился в только что созданное книжное издательство «Детская литература». После падения Бокия был арестован, много лет провел в лагерях (правда, не на лесоповале, а наоборот, нормировщиком; вот жена его, дочка Бокия, в лагерях погибла). В 43-ем прямо в лагере обвинен в «пораженческой агитации». Срок заключения был продлен. Разгон подал кассационную жалобу: еврей не может агитировать за победу Германии (вы слыхали о кассационных жалобах на имя Кальтенбруннера от заключенных

Освенцима или Бухенвальда?). Каким-то чудом жалоба дошла и логика ее оказалась убедительной, второй приговор был отменён. Разгон получил статус «закреплённого за лагерем» и смог теперь жить за пределами зоны в бараке для вольнонаёмных. В заключении познакомился со своей будущей второй женой Рикой, дочерью одного из бывших эсеровских вождей Ефрема Берга. После освобождения вернулся в литературу, стал знаменит благодаря мемуарам, обличавшим ужасы сталинской эпохи. Умер в 99-ом, девяносто одного году от роду.

Кто тут прожил дольше и кто, следовательно, стукач и вертухай?

А если тот, кто удовлетворяет критерию — то почему он не ностальгировал по СССР, а совсем наоборот?

Когда помотришь вот так, сразу становится ясно, что нам предложена не новаторская концепция, призванная опровергнуть ложь официальной пропаганды и взглянуть на историю непредвзято, но что-то вроде танкового клина, предназначенного в мирное время, пока стрелять еще не велено, дребезжанием ментальных гусеничных траков раздавить нам души.

История — поле битвы. Всегда была им и всегда будет. Это надо усвоить с детства и не стесняться это помнить.

И второе.

Страна живет не в вакууме, не на пустом земном шаре. Иногда в спорах с непробудно интеллигентными людьми при первой же попытке напомнить, что происходило в тот или иной момент нашей тяжелой истории у соседей, что там вытворяли и как куролесили, наталкиваешься на отметающий всю эту ерунду отмах рукою: а мне что за дело до иных стран? Это дело тех, кто в них живет! Мне важно, что ТУТ творилось! Такой подход на первый взгляд кажется очень высоконравственным, но на самом деле порой является просто подлостью. От внешней обстановки нельзя абстрагироваться, ее надо иметь в виду постоянно, и в особенности — когда у нас происходило нечто, что с точки зрения этики явно можно бы и осудить.

Попробуем забыть на минутку, что Гитлер напал на СССР. Но при этом будем помнить, что советские самолеты бомбили советские же города, в которых, правда, по каким-то причинам было довольно много немцев, но в основном — свои же, советские люди. А чуть ли не во всех деревнях сельчане вдруг начали исподтишка зверски убивать друг друга, почему-то называя убиваемых то партизанами, то полициями. Если упустить один-единственный исторический факт — то, что в это время бушевала свирепая, навязанная нам извне война, начатая с целью полного уничтожения недочеловеков-славян и освобождения для истинных арийцев жизненного пространства, остальные факты, при всей их достоверности, окажутся объяснимы лишь следующим

образом: начальство — кровожадные недоумки, народ — злодейский и люди — дрянь.

Что нашим геополитическим конкурентам и требовалось доказать.

Конечно, не все безобразия нашей истории могут быть ОПРАВДАНЫ таким образом. Но следует иметь в виду, что они, как правило, были психологически адекватны, нравственно эквивалентны и ситуационно ответны тем безобразиям, что творились вокруг нас, а частенько — и непосредственно в отношении нас.

Вот примерно так можно попытаться передавать понимание.

2. Возможно ли в школьном учебнике истории найти баланс между научностью и воодушевляющим патриотизмом?

Конечно. Чем больше будет в истории научности — тем более она окажется пронизана воодушевляющим патриотизмом. Просто надо понять, что научность истории отлична от научности, скажем, физики или химии. В точных науках, не имеющих дело с человеком и формированием его представлений о достойном будущем, знание факта самодостаточно и конечно. Скажем, ускорение свободного падения вот таково — и точка. Дальше хода уже нет, это и есть знание. В истории такой подход невозможен и бессмысленно пытаться ему следовать во имя, например, объективности и всякой прочей беспристрастности. Если мы знаем, что в таком-то году греки во главе с Александром разбили персов, предводительствуемых Дарием, то этот факт, это знание еще ничего не дает человеку, пока к данному знанию нет отношения. Для греков этот факт значит одно, для персов — совершенно иное, а для тех, кто оказался не затронут этой победой или этим поражением — совершенно третье. И шире: у тех, кому по тем или иным причинам симпатичен Александр или греки вообще, европейцы вообще — к этой победе отношение одно, у тех, кому по каким-то причинам симпатичны персы или вообще азиаты, или вообще просто он всегда сочувствует всем подвергшимся агрессии или любым проигравшим — отношение иное. Наличие того или иного отношения — неизбежно, пытаться его снивелировать — глупо и лживо, и чреватое воспитанием тотального лицемерия или тотального равнодушия.

3. Если каждая социальная группа желает видеть такой учебник истории, который изображает представителей именно этой группы благородными и дальновидными, а прочих своекорыстными и близорукими, - как примирить эти интересы в одном каноническом тексте?

Это все надо обдумывать и решать очень конкретно. Нельзя прятаться за некие общие рецепты, абсолютизировать алгоритм — люди и их история не укладываются в двоичный код. Группа группе рознь, и поэтому интересы групп достойны уважения совершенно в разной степени. Я могу понять, например, что люди нетрадиционной сексуальной ориентации ищут себе в истории великих предшественников, но вряд ли стоит в учебнике истории учитывать их интересы, скрупулезно выискивая в толще веков прославленных мужеложцев и прозрачно намекая, что без них человечество до сих пор жило бы в пещерах.

4. Возможно ли создание учебника как истории трагической борьбы, в которой за каждым из участников была своя правота?

Невозможно и не нужно. Ибо это неправда. Отнюдь не за всяким из участников трагической борьбы была своя правота. Опять-таки нельзя выработать здесь общего, единого на все трагические коллизии рецепта.

Психологически понять рабовладельца можно, но правоты за ним не было, когда век рабства сгнил. Понятно желание гвардействующих барчуков и в век пара и электричества, в век труда и расчета продолжать бить баклуши, выжимать все соки из имений и гарцевать, мудровать, витийствовать и кутить, как при матушке Екатерине, только еще плюс Ницше. Понятно желание позднесоветской номенклатуры покончить с партийной дисциплиной и хапнуть все то, что целый народ на крови своей создавал в течение полувека ради детей, внуков и их светлого будущего, а потом с ясными глазами заговорить о священной частной собственности и невидимой руке рынка, которая все расставит по правильным местам. Но какая за ними правота?

Искренняя мотивированность и нравственная правота — совсем не одно и то же. В конце концов, Чикатило тоже был мотивирован вполне искренне. Но какая у него была правота в его многолетнем поединке с сыскарями — при всех их наверняка имевшихся человеческих недостатках и слабостях?

Да, у Нерона, например, была некая нравственная правота в его противостоянии с христианами. Но только до того момента, как христианами начали кормить львов.

Хватит уже с нас оголтелого плюрализма, отшибающего и мозги, и совесть. Наоборот, пора наконец снова, уже применительно к нынешней эпохе, всерьез задуматься о том, что такое хорошо и что такое плохо.

5. Какие эпизоды российской истории Вы бы не включили в «исторический минимум»?

Очень многие. Просто потому, что даже в самом просторном учебнике невозможно рассказать все. Отбор неизбежен, и его критерии — вещь достаточно сложная. Придется волей-неволей умолчать и о многом хорошем, и о многом плохом. Но если в силу требований объема или ритмичного дробления материала на параграфы придется выбирать, например, между введением в программу темы обороны Брестской крепости и темы Катынского расстрела — придется пожертвовать Катынским расстрелом.

И не только по идеологическим соображениям.

Просто-напросто подвиг защитников крепости ясен и самодостаточен. А вот если уж упоминать о Катыни, непременно надо сказать и о судьбе советских военнопленных в Польше, и о претензиях Пилсудского на земли до Черного моря и на то, чтобы загнать Россию в допетровские границы, и о том, что Польша едва ли не до последнего момента предлагала себя в союзники Гитлеру, чтобы с ним напополам поделить европейскую территорию СССР, и о том, что она была едва ли не главной базой антисоветских разведок и террористических групп в двадцатых и тридцатых годах... И, кстати, о том, что существует историческая версия, согласно которой документы, подтверждающие виновность СССР в Катынской трагедии, те, что рассекретил Горбачев ради торжества нового мышления, на самом деле были в конце восьмидесятых сфабрикованы некоей комиссией по десоветизации под руководством архитектора перестройки Яковлева.

Вот если объем учебника и методичность изложения материала позволят это сделать — я буду двумя руками за то, чтобы рассказывать школьникам о Катыни. Со всеми упомянутыми нюансами. Чтобы дети были во всеоружии, чтобы не свалилось на них раньше или позже неизвестное им новое знание как прорыв в истину, как откровение: надо же, вот она, правда-то, а нам в школе все ввали, мозги пудрили всякой там Брестской крепостью!

6. Почему мы не слышим дискуссий о том, как сделать учебник истории захватывающим и увлекательным? Может быть, этот учебник должны писать не историки, а группа психологов, педагогов, писателей-мифотворцев?

Да, это проблема. Наше поколение девяносто процентов исторических знаний получало не из учебников, а из художественной литературы. Потому что в ней история была живой, интересной, литература с ходу давала к историческим фактам мощное и морализирующее эмоциональное отношение. От «Трех мушкетеров» до «Живых и мертвых». От «Чингиз-хана» до «Дата Ту-

ташхиа». От «Дочери Монтесумы» и «Капитана Блада» до «Моонзунда» и «Момент истины». Ныне, когда роль литературы в познании подростками мира резко упала, психологические аспекты попыток обогатить молодые умы историческим знанием особенно важны и особенно необходимы. Ведь никакое знание исторических фактов не делает человека гражданином; гражданин возникает лишь тогда, когда к этим фактам возникает отношение, определяемое системой ценностей, в которой такая ценность, как Родина, занимает одно из главных мест.

7. Должны ли в учебнике присутствовать оценки событий с точки зрения прогресса и регресса?

Хорошо бы, но для начала придется определить, что такое прогресс. И тут мы так увязнем...

При большевиках прогресс понимали как победу дела Ленина-Сталина в мировом масштабе. Современный европеец понимает прогресс как легализацию однополых браков и признание педофилии одной из равноправных сексуальных ориентаций. Худо у нас с пониманием сущности прогресса.

Исходя из самых базовых представлений о морали я могу предложить понимать прогресс, как уменьшение разрыва между богатыми и бедными в благосостоянии и жизненных возможностях. Уверен, очень многие меня поддержат. И как тогда нам придется оценить все, что происходит сейчас в нашей стране и в мире в целом?

С другой стороны, для некоторых прогресс — это столь головокружительное развитие науки, информатики и биотехнологии, когда тот, у кого найдётся чем заплатить, сможет стать бессмертным и неуязвимым, а все остальные будут элиту самозабвенно обслуживать, поставляя ей органы и стволовые клетки. И, когда кому-то из небожителей захочется поиграть в родителя, с радостью отдавать им своих детей в постоянное или временное усыновление — просто потому, что самим не прокормить; да и честь-то какая!

Но, как говорили в свое время нефтяники братского Азербайджана, «к шайтан пошел такой работа»...

8. Самые сложные сюжеты — в XX веке. Целесообразно ли их оценку зафиксировать не по итогам битвы «партийных» интересов научных школ, а с помощью масштабных социологических опросов?

Нет. Ибо мы прекрасно знаем, как легко манипулировать массовым сознанием и какими причудливыми могут оказаться результаты свободных во-

леизъявлений. На умело проведенном референдуме вам скажут, например, что в Академии Наук все — зажавшиеся безмозглые мракобесы, а истинную науку наперекор остепененным инквизиторам и душителям свободной творческой мысли двигают бездипломные экстрасенсы, народные целители и прочие Петрики.

Учебник истории под государственные гарантии невмешательства плюралистов должны писать искренние, неброские, немитинговые и вменяемые державники, а враг пусть потом скрежещет зубами в бессильной злобе.

9. Следует ли после создания общенационального учебника истории законодательно объявить временный мораторий на его ревизию?

Да.